

рошъ и, вотъ, въ рукахъ у насъ прелестная жанровая картина, блестящая яркими и свѣжими красками, полная правды, ума и какого-то добродушнаго юмора. Образчики мы представимъ ниже, а теперь будемъ продолжать общую характеристику таланта г. Потапенка. Г. Потапенко, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его произведеній и какъ это, впрочемъ, показываетъ самая его фамилия, — малороссъ по происхожденію и всѣ тѣ черты, которыя мы, великороссы, привыкли приписывать малороссіянамъ — упрямство, флегматичность, насмѣшливость — всѣ эти черты характеризуютъ и духовный обликъ г. Потапенка. Онъ упрямъ въ работѣ, флегматиченъ по отношенію къ своимъ персонажамъ, честенъ или подлы они, и насмѣшливъ по отношенію къ жизни вообще, какъ въ ея текущемъ процессѣ, такъ и въ ея глубочайшей сущности, въ ея тайнѣ. Онъ не скептикъ, — скептицизмъ все-таки система, — онъ просто реалистъ — здравомысль, который предпочитаетъ имѣть дѣло только съ фактами и никакихъ *превыспренности* знать не хочетъ. Когда г. Потапенко, устами своихъ персонажей, разсуждаетъ о какихъ-нибудь общихъ идеяхъ, онъ говоритъ вообще очень хорошо, но болѣе разсудительно, чѣмъ умно и ужъ совсѣмъ не увлекательно. Давшая, по выраженію Некрасова, силу и власть въ словѣ чужда ему страсть. Но онъ не равнодушенъ: онъ только ужъ очень уравновѣшенъ. Именно этою уравновѣшенностью духовной природы г. Потапенка обуславливается *бодрость* его таланта. Я не нашелъ, хотя искалъ, лучшаго слова для опредѣленія главной особенности таланта г. Потапенка: бодрый, именно прежде всего и больше всего это *бодрый* талантъ. Сопоставьте г. Потапенка съ его сверстниками — съ Гаршинымъ и г. Чеховымъ: они, рядомъ съ нимъ, являются какими-то плачущими лириками, тоскующими о чемъ-то, стремящимися къ чему-то, грустными, глубоко неудовлетворенными, тогда какъ г. Потапенко живетъ во-всю, ни о чемъ не горюетъ, ни къ чему *надзвездному* ни въ тайнѣ, ни въ явѣ сердцемъ не возносится. Онъ премного доволенъ дѣйствительностью, хотя, какъ писатель умный и наблюдательный, совершенно понимаетъ всѣ ея недостатки и несообразности. Землякъ г. Потапенка, только много покрупнѣй его ростомъ, воскликнулъ однажды съ лирическимъ порывомъ: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Вотъ мнѣніе или чувство, котораго не только раздѣлить, даже понять не можетъ г. Потапенко: наоборотъ, превесело жить на этомъ свѣтѣ, господа! Человѣческая пошлость его не оскорбляетъ и не огорчаетъ, а только смѣшитъ, и этотъ его видимый міру смѣхъ не сопровождается ни единой незримой слезинкой. *Бѣдность и несовершенство жизни* — ну, да, такъ что же? Вѣдь и на солнцѣ есть пятна и съ бѣдностью надо бороться, несовершенство надо исправлять, т.-е. вообще надо всѣмъ работать, много работать, какъ можно больше работать, а не распускать нюни. Г. Потапенко такъ и поступаетъ и другихъ тому же настойчиво поучаетъ. Это ли еще не бодрость? Къ слову сказать, эта же бодрость помогла г. Потапенку и въ его литературной карьерѣ. Въ то время, какъ Гаршинъ, г. Чеховъ и, въ особенности, г. Короленко работали и работаютъ при самой горячей крити-

ческой поддержкѣ, г. Потапенко оставался почти въ полномъ одиноществѣ и шелъ впередъ на свой собственный страхъ и рискъ. За единственнымъ исключеніемъ г. Скабичевского, ни одинъ изъ нашихъ современныхъ критиковъ не далъ о г. Потапенкѣ критической статьи, тогда какъ, наприм., о г. Бороленкѣ, за единственнымъ исключеніемъ (моимъ), *есть* наши критики, отъ г. Арсеньева до Говорухи-Отрока, безъ различія направленій и школъ, писали подробно и обстоятельно, въ хвалебномъ, иногда даже просто въ рекламномъ тонѣ. Чѣмъ объяснить это? Во-первыхъ, тѣмъ, конечно,—если только это объясненіе, что *habent sua fata libelli*, во-вторыхъ, тѣмъ, что г. Потапенко—писатель и человекъ «свѣжій отъ партій», какъ выразился про Наполеона Левъ Толстой. Какъ бы то ни было, это отсутствіе поддержки, это относительное одиночество г. Потапенка не повліяли на его энергію: остроумничайте и хихикайте сколько угодно, но онъ каждый годъ пишетъ столько, сколько Гаршинъ написалъ во всю свою жизнь, и я опять спрошу: это ли еще не бодрость? «Въ добрый часъ, г. Потапенко!» ободрительно и съ симпатіей сказали бы мы ему, но воздержимся, не скажемъ, потому что не хотимъ рисковать услышать въ отвѣтъ: пожалуйста, не беспокойтесь и безъ васъ давно знаю! Отвѣтъ былъ бы обиденъ, потому что былъ бы совершенно справедливъ. Г. Потапенко *доказалъ*, что его бодрость не нуждается въ постороннихъ воздѣйствіяхъ.

Малороссовъ называютъ созерцательными и поэтическими натурами. Вотъ черта, которой вы напрасно стали бы искать у нашего малоросса—автора. Г. Потапенко (разумѣется, я имѣю въ виду только его писательскій темпераментъ)—натура по преимуществу прозаическая, до сухости, даже до черствости. Онъ слишкомъ занятъ наблюденіями, чтобъ имѣть досугъ для созерцанія, и слишкомъ дѣловитъ, чтобы предаваться поэтическому экстазу. Ему нужны люди, суетлока жизни, а природа... что въ ней? Извѣстно—«равнодушная природа», и г. Потапенко въ свой чередъ тоже къ ней равнодушенъ, т.-е. къ ея краскамъ, къ ея поэзіи, къ ея красотѣ. Оттого вы не встрѣтите у г. Потапенка описаній природы: г. Потапенко не пейзажистъ, а исключительно жанристъ, и если ему неизбежно приходится рисовать ландшафтъ, то онъ сдѣлаетъ это по-своему, на дѣловой ладъ. Вотъ малороссійское село на берегу Днѣпра. Чего не сдѣлалъ бы тутъ Куинджи—Чеховъ, какъ размечтался и расчувствовался бы тутъ Гаршинъ, но у г. Потапенка вышло вотъ что: «Днѣпръ виденъ невдалекѣ. Плоскій, ровина берегъ его уставленъ дубками, каюками и душегубками. На кольяхъ развѣшено нѣсколько рядовъ сѣтей, пропитанныхъ смолой; неподалеку отъ берега, въ довольно глубокой водѣ, плаваютъ на якоряхъ наглухо закрытыя корзины («сапеты») сохраняющія живую рыбу,—словомъ, всѣ признаки того, что это село рыбальское, что Днѣпръ съ его дополненіями заминая сельчанамъ землю, дубки и каюки—воловъ съ возами, а сѣти—соху. Да и самый воздухъ здѣсь насквозь пропитанъ запахомъ рыбы, здѣсь ее ловятъ, солятъ, вялятъ на солнцѣ, хотя дѣлаютъ это очень плохо. Раннимъ утромъ снаряжаютъ угловатые дубки, нагру-

женные рыбой, и плывутъ по Днѣпру противъ теченія въ городъ, а продавъ рыбу, привозятъ обратно хлѣбъ и ситецъ, и все, что надо для жизни рыбацкаго села». Таковъ Днѣпръ «съ его дополненіями» въ изображеніи г. Потапенка. А какая больше рыба въ Днѣпрѣ ловится? А почему она продается? А сколько платятъ мужики за аршинъ ситца въ городѣ? Если вы хотите выиграть въ мнѣніи г. Потапенка, то обращайтесь къ нему только съ такими вопросами, а всякаго рода эстетику поберегите для другихъ оказій. «Прекрасный, величественный, Днѣпръ, чудная, поэтическая рѣка!»—воскликнули бы Гаршинъ и г. Чеховъ. Рѣка хорошая, рыбная,—говоритъ г. Потапенко,—жаль только, что тамошніе рыбаки ни солить, ни вялить какъ слѣдуетъ не умѣютъ рыбы. Собственному вкусу читателя предоставляемъ рѣшить, который изъ этихъ собесѣдниковъ ему симпатичнѣе, а лично для насъ они въ равной мѣрѣ любопытны.

Еслибы г. Потапенко не былъ хорошимъ писателемъ, онъ былъ бы очень хорошимъ чиновникомъ. Говорю это не въ похвалу и не въ порицаніе, а просто устанавливаю фактъ, для меня сомнѣнію не подлежащій. Онъ былъ бы не формалистомъ, какъ Фамусовъ, и не карьеристомъ, какъ Молчалинъ, но однимъ изъ такихъ чиновниковъ, какими были, наприм., Салтыковъ и Иванъ Аксаковъ. Съ начальствомъ своимъ онъ ладилъ бы очень хорошо, но и наши классическіе «просители» оставались бы имъ очень довольны. Я завелъ этотъ разговоръ вотъ къ чему. Равнодушный къ природѣ и даже вообще къ изящной сторонѣ жизни, г. Потапенко совсѣмъ не равнодушенъ къ человѣку и любитъ его, но по-своему. Бываетъ любовь къ людямъ платоническая или отвлеченная, бываетъ любовь гнѣвная («Родная земля! Назови мнѣ такую обитель»...—Некрасова), любовь протестующая («полно такъ ли, голубчики?»—Достоевскій), любовь страдающая («льются такіа рабы слезы»—Салтыковъ), любовь сентиментальная и т. д. и т. д. У г. Потапенка любовь къ человѣку—любовь, такъ сказать, дѣловая. Вопросы матеріальнаго благосостоянія всѣхъ и каждого ему дороги и близки, но дальше онъ не идетъ. Если вы сыты, одѣты, обуты и живете въ теплѣ, то что же еще? Запросы вашего духа—это уже ваше дѣло, разбирайтесь въ нихъ какъ знаете и тутъ г. Потапенко вамъ не помощникъ и тѣмъ болѣе не учитель. Въ душу человѣка г. Потапенко заглядываетъ только такъ себѣ, мимоходомъ, поверхностно и оттого именно его психологія только, только—что удовлетворительна; но обстановку человѣка, условія его быта, г. Потапенко изучаетъ внимательно и оттого онъ очень силенъ какъ бытописатель. Пояснимъ дѣло сравненіемъ. Въ разсказѣ г. Потапенка *Семейка*, къ нищей бабѣ—матери приходитъ ея дочь—дѣвушка, бывшая въ услуженіи и прогнанная съ мѣста, приходитъ за тѣмъ, чтобы родить «байстрюка», т.-е. незаконно-прижитаго ребенка. Мать встрѣчаетъ ее отборной бранью: «слова были ужасны», говоритъ г. Потапенко. Но только слова. «еслибы въ комнатѣ незримо присутствовали два человѣка, изъ которыхъ одинъ только слышалъ слова, произносимыя Оеклой, а другой только видѣлъ то, что она дѣлала, то первый счелъ бы ее самымъ

страннымъ, безчеловѣчнымъ звѣремъ, а другой призналъ бы, что у нея безконечно доброе сердце». Оекла бранилась и грозилась, но въ то же время «она снимала съ себя дырявый платокъ и окутывала имъ Оксану (дочь); собирала все оставшееся непропитымъ тряпье и мостила подъ голову дочкѣ, чтобъ ей было повыше, поудобнѣе». Не совсѣмъ то же, но нѣчто подобное мы находимъ и у самого г. Потапенка: не *слово*, конечно, но *тонъ* многихъ его разсказовъ въ самомъ дѣлѣ ужасенъ и именно разсказовъ изъ жизни всяческаго бѣднаго люда. Это—или тонъ какого-то до странности неумѣстнаго ироническаго зубоскальства, или тонъ безчувственно-деревяннаго протоколизма. Да, но въ то же время г. Потапенко, совершенно какъ его Оекла, хлопочетъ изо всѣхъ силъ, разсказываетъ о своихъ бѣднякахъ всю подноготную, не скроетъ отъ васъ и даже слегка не затушаетъ ни одной ихъ бѣды, ни одного увѣчья, причиненнаго жизнью, а ужъ тамъ ваше дѣло: хотите—плачьте, хотите—негодуйте, тутъ вамъ г. Потапенко не товарищъ. На ваши вопросы, если вы обратитесь съ ними къ нему, одинъ у него отвѣтъ—«работать надо», а жалѣть да сантиментальничать—пустое дѣло.

Тотъ сердца въ груди не носилъ
Кто слезъ надъ тобою не лилъ!

Очень нужны ваши слезы! скажетъ г. Потапенко, а вмѣстѣ съ ними и дѣловитая Оекла. Да и вообще не торопитесь оплакивать: наружность обманчива и это еще зачастую неизвѣстно,—кто, въ сущности, счастливѣе,—вы ли, оплакивающій, или они, оплакиваемые. Вотъ хоть бы одинъ изъ тѣхъ мужиковъ-рыбаковъ, которымъ г. Потапенко попенялъ только за то, что они не умѣютъ вялить и солить рыбы. «Кандюба, а? Еслибы тебѣ сказали: будь губернаторомъ и живи постоянно въ городѣ, ты согласишься бы?—Ни!—отвѣчалъ Кандюба. Мнѣ мой каюкъ и моя сѣтка дороже всего на свѣтѣ... Такъ оно и должно! Какъ же иначе? Хо-хо-хо-о! Нѣтъ, нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ нѣту такихъ мѣстовъ, какъ у насъ...» Что вы объ этомъ скажете? Вѣдь г. Потапенко выходитъ какъ будто совсѣмъ правъ: что же еще нужно этому мужику для полноты его счастья, какъ не то только, чтобы выучиться похозяйственнѣе обходиться со своимъ добромъ, получше солить и вялить рыбу? Такъ вотъ и поучите, поработайте, а плакать совсѣмъ не о чемъ. Такъ, такъ... Но когда Кандюба выучится солить и вялить, разбогатѣетъ, мы услышимъ вотъ что: «Да, это дѣйствительно, честный и разумный мужикъ. Онъ достигъ своей цѣли: довелъ свой домъ до полной чаши. Но, спрашивается, съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? Какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ?» (Салтыковъ). Ну, это ужъ не по части г. Потапенка. Онъ какъ Шерамуръ Лѣскова. («Три праведника и одинъ Шерамуръ») знаетъ только одну свою панацею: ѣшь, ѣшь. Кандюба увѣренно говорить, что лучше его села нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ «мѣстовъ», хотя о цѣломъ свѣтѣ онъ знаетъ столько же, сколько его каюкъ. Но это г. По-

пенка не смущает и не смутит: Кандюба сытъ, слѣдовательно доволенъ, доволенъ—слѣдовательно счастливъ. Такъ оно и должно! Какъ же иначе? Хо-хо-хо-о!

Таковъ реализмъ и утилитаризмъ г. Потапенка. Это очень добродушный, очень благожелательный, но слишкомъ узкій и даже животный утилитаризмъ. Хорошо въ немъ, что, именно благодаря своей узкости, онъ можетъ быть распространенъ на всѣхъ людей (и даже на всѣхъ животныхъ) безъ различія національностей, вѣрованій, духовныхъ особенностей. Крещенный и некрещенный одинаково ѣсть хотѣть и г. Потапенко одинаково готовъ служить имъ. Вотъ изнываетъ на трудной и неблагоприятной работѣ еврей-мишурисъ (мишурисъ—гостиничный служитель, что-то вродѣ фактора) и г. Потапенко пишетъ рассказъ *Мишурисъ*, въ которомъ очень тепло, совершенно такъ, какъ о своихъ родныхъ Кандюбахъ и Оеклахъ, рассказываетъ намъ о мытарствахъ бѣднаго еврея. *Теплота* г. Потапенка, по обыкновенію, состоитъ не въ томъ, что онъ какъ-нибудь жалѣетъ своего героя и привлекаетъ къ этому жалѣнію читателя,—совсѣмъ нѣтъ: онъ снисходительно *разрѣшаетъ* мишурису пользоваться для своего пропитанія весьма подходящими средствами. Надо сознаться, что въ этой повѣсти г. Потапенко исполняетъ свою задачу очень искусно: мишурисъ Ицекъ излагаетъ своему товарищу полный курсъ мошенничества, но такъ наивно и добродушно, что у васъ языкъ не повернется на осужденіе. Надо же, въ самомъ дѣлѣ, питаться человѣку, надо и семью кормить! Вотъ что я скажу тебѣ, Борохъ,—говоритъ Ицекъ товарищу. «Ты мишурисъ и я мишурисъ. А знаешь ты, что это значитъ? Нѣтъ? не знаешь? Такъ пойдѣ спроси какого-нибудь мальчишку на улицѣ, такъ онъ тебѣ скажетъ, что это значитъ. Онъ скажетъ, что мишурисъ это все равно что мошенникъ... Ну, понялъ? И теперь ты спроси кого хочешь изъ постояльцевъ, которые прїѣзжаютъ сюда и которымъ мы разную практику дѣлаемъ. Ты думаешь, кто-нибудь не считаетъ тебя мошенникомъ? Всякій на тебя такъ и смотритъ. И когда ты говоришь, что это стоить рубль, то уже онъ знаетъ, что ты на десять копеекъ совралъ. Онъ такъ и думаетъ: онъ—мишурисъ и значитъ—мошенникъ. И если ужъ всѣ тебя считаютъ мошенникомъ, такъ... ну, такъ ты понялъ теперь, Борохъ?»

Борохъ понялъ,—да и какъ не понять! Такова своеобразная гуманность г. Потапенка. Разумѣется, Ицекъ правъ и передъ людьми и передъ Богомъ, хотя и погрѣшаетъ противъ восьмой заповѣди, но правъ ли, опять спрашиваю, авторъ, не усматривая тутъ никакого вопроса? Противорѣчія между идеаломъ и фактомъ, этикой и ариѳметикой, нравственнымъ долгомъ и житейскою необходимостью встрѣчаются постоянно, и въ этомъ главный трагизмъ *реальной* жизни, но въ высшемъ синтезѣ эти противорѣчія должны быть примирены и задача всякаго настоящаго писателя въ томъ и состоитъ, чтобы всячески искать этого примиренія. И г. Потапенко знаетъ объ этомъ, но... рядомъ съ повѣстью *Мишурисъ* стоитъ повѣсть *Ръшил-ся*, которая начинается такимъ характернымъ для г. Потапенка, заявленіемъ:

емъ: «Человѣческая жизнь полна непостижимыхъ странностей. Конечно, если хорошенько разобрать, то окажется, что на все есть причины и все очень просто и естественно. Но извольте-ка добратся до этихъ причинъ, въ особенности, если вы человѣкъ занятой и у васъ есть свои дѣла». Вотъ именно. За недосугомъ, г. Потапенко обходится, не мудрствуя лукаво, одною арифметикой.

III.

Въ одиннадцати томахъ произведений г. Потапенка помѣщены только повѣсти и рассказы его, но нѣтъ романовъ, которыхъ однако г. Потапенко написалъ не мало. Не помѣщены даже нѣкоторыя его большія повѣсти, какъ, наприим., *Смертный бой*, которую вѣроятно еще помнятъ читатели *Русской Мысли*. Это обстоятельство прискорбно для критики, а вотъ другое обстоятельство, которое для критики неудобно: повѣсти г. Потапенка расположены не въ хронологическомъ, а въ неизвѣстномъ порядкѣ. Если талантъ писателя дѣйствительно живая сила, а не мертвая техническая способность, онъ будетъ расти, созрѣвать, и прослѣдить процессъ этого роста, его главные фазисы—это задача во многихъ отношеніяхъ интересная. Писатель развивается въ зависимости отъ общаго хода жизни, такъ что говорить о его личномъ развитіи—значить судить объ условіяхъ и путяхъ самой жизни. Въ данномъ случаѣ, однако, оба эти обстоятельства большого значенія не имѣютъ. Въ своихъ романахъ г. Потапенко не выше и не ниже, чѣмъ въ своихъ повѣстяхъ, и разница между ними только количественная,—въ числѣ составляющихъ ихъ печатныхъ листовъ. Вѣроятно, и самъ г. Потапенко, называя свое произведение романомъ или повѣсткью, или рассказомъ руководствуется только этимъ признакомъ: много написанось—романъ, поменьше—повѣсть, еще поменьше—рассказъ. Между тѣмъ—сказать мимоходомъ—архитектура романа и самая его концепція совсѣмъ не то же самое, что архитектура и концепція повѣсти. Это родственные, но не тождественные роды искусства. Другое обстоятельство—случайное расположеніе произведений г. Потапенка—не имѣетъ большого значенія потому, что общее міросозерцаніе г. Потапенка столько же твердо и устойчиво, сколько несложно. Его не мучаютъ и никогда не мучили никакія сомнѣнія, никакихъ умственныхъ или нравственныхъ ломокъ г. Потапенко не переживалъ, не падалъ и не поднимался, не пытался летѣть, а бодро выступалъ дѣловитою рысцою человѣка, озабоченнаго насущными нуждами. Онъ не развивался, онъ сохранился и всегда былъ самъ себѣ равенъ. Геніальные таланты пишутъ иногда совершенные пустяки (*Хозяйка* Достоевскаго, многія сказки Толстого), а у г. Потапенка пустяковъ нѣтъ. Правда, зато у него нѣтъ *Записокъ изъ мертвѣаго дома*, нѣтъ *Войны и мира*... Но что геніальные таланты! Сопоставьте и въ этомъ отношеніи г. Потапенка съ его сверстниками: Гаршинъ, Новодворскій и

г. Чеховъ—это, скажемъ, дорогія груши, сильно попорченныя червоточной (червякомъ сомнѣнья и разумѣнья), а г. Потапенко—это зеленый, свѣжій огурецъ-крѣпышокъ, безъ малѣйшаго пятнышка. Конечно, и огурецъ растетъ постепенно, согласно законамъ природы, но во всякомъ случаѣ мы этого не замѣтили, да и замѣчать не стоило, потому что... по многимъ причинамъ. О *червоточинѣ* надо поразсудить и позаботиться, надо добраться, откуда она появилась, надо мѣры противъ нея принять, а на огуречныхъ грядкахъ все благополучно. Возьмемъ ли мы для анализа произведеніе г. Потапенка, написанное вчера или десять лѣтъ назадъ,—наши выводы будутъ одни и тѣ же: талантъ, бодрый талантъ, шествующій впередъ безъ размысленій, безъ тоски, безъ думы роковой, безъ коварныхъ и пустыхъ сомнѣній.

Крестьянство (южно-русское), духовенство, еврейство и «мыслящій пролетаріатъ» — вотъ сферы г. Потапенка, изъ которыхъ онъ беретъ свои сюжеты. Именно рассказы изъ быта духовенства я имѣлъ въ виду, когда говорилъ о «прелестныхъ жанровыхъ картинахъ» г. Потапенка, преисполненныхъ жизненной правды. Рассказъ *Шестеро* можетъ служить образчикомъ мастерства г. Потапенка въ этомъ родѣ. Это самая простая, будничная исторія и герой ея — самый заурядный человѣкъ, но г. Потапенко привлекаетъ все ваше вниманіе къ этой исторіи и вызываетъ все ваше сочувствіе къ ея герою, простому сельскому дьякону. Чувствуя себя хозяиномъ въ этой сферѣ, г. Потапенко поступаетъ тутъ какъ настоящій художникъ, какъ поступалъ Гоголь съ Акакіемъ Акакіевичемъ и Достоевскій съ своимъ Дѣвушкинымъ: онъ не затрудняется выставлять комическія стороны своего героя, чѣмъ собственно еще ярче отбѣняетъ и трагизмъ его положенія, и его широкое, любвеобильное сердце. Вотъ, наприм., какъ изображаетъ г. Потапенко наружность своего героя: «нашъ герой отличался необыкновенно большимъ ростомъ. Если принять во вниманіе, что онъ былъ при этомъ чрезвычайно тонокъ, держался всегда прямо и что на его тонкой и длинной шеѣ была посажена маленькая головка съ цѣлою кучей темныхъ, густыхъ кудрей, торчавшихъ закъ-то кверху, да взять еще безусое и безбородое лицо съ мелкими, почти дѣтскими чертами, то станетъ ясно, что о. Антоній въ самомъ дѣлѣ представлялъ своеобразную фигуру». Не своеобразенъ только, но и просто комиченъ былъ о. Антоній, и авторъ и дальше не стѣсняется ставить его или въ смѣшныя, или въ недѣльные положенія (наприм., сцена съ консисторскимъ секретаремъ), но ваша симпатія къ смѣшному чудаку все возрастаетъ и переходитъ, наконецъ, въ *сознательное уваженіе* къ нему. Онъ не только несчастенъ, онъ умѣетъ быть терпѣливымъ и великодушнымъ въ несчастіи, а это очень трудное, даже великое дѣло: разсудите по себѣ, читатель... «Славный малый и не безграмотный человѣкъ», такъ аттестуетъ о. Антонія его начальство, но авторъ понимаетъ и даетъ намъ понять, что его герой побольше «славнаго малаго». Передавать фабулу рассказа я не стану,—читатель можетъ прочесть или пе-

М. Протопоповъ